

Глава 9

Время летело незаметно, и вскоре на пороге оказался Новый год.

Сунь Ци и остальные помощники Дуань Чжо разъехались по домам. Цзи Мянью не имел ни малейшего представления о том, что такое настоящий праздник, — впрочем, и у прежнего владельца тела за все те годы, что он прожил, не было подобного опыта. Знания, доставшиеся ему в наследство, говорили лишь о том, что Чуньцзе — важнейшее торжество в году, время, когда принято собираться всей семьёй.

У Цзи Мянью семьи не было, а потому он решил, что этот праздник его не касается. Он планировал просто отсидеться в своей комнате на третьем этаже, пока остальные не вернутся, чтобы вновь продолжить свою тихую и счастливую жизнь, строгая деревянные заготовки.

Всё изменилось вечером в канун Нового года, когда в его дверь постучали.

На пороге стоял Дуань Чжо. Одет он был на удивление легко для глубокой зимы: короткая чёрная куртка, а под ней — лишь белый свитер с низким воротом. Глядя на него, Цзи Мянью невольно плотнее закутался в свой пуховик.

— Брат? — тихо спросил он. — Что-то случилось?

Ответ Дуань Чжо, как всегда, был краток:

— Спускайся.

Юноша послушно последовал за ним на второй этаж. Там его ждал ещё один человек — Му Юймань. Когда Цзи Мянью вошёл, женщина как раз выходила из кухни, неся в руках блюдо с аппетитной рыбой в густом соусе. По комнате разлился дурманящий аромат, и гость украдкой сглотнул слюну.

Заметив его, Му Юймань ласково прищурилась:

— А, Цзи Мянью пришёл!

Обеденный стол ломился от яств — на нём красовалось не меньше шести-семи изысканных блюд. Сестра Му поставила тарелку в самый центр; судя по всему, это было последнее блюдо. Дуань Чжо, приведя юношу, больше не обращал на него внимания и с невозмутимым видом уселся на своё место.

Цзи Мянью помедлил и тоже медленно подошёл к столу, но сестра не решалась.

— Брат, — он стоял перед Дуань Чжо и со всей серьёзностью спросил: — Вы звали меня, чтобы дать какую-то работу?

Дуань Чжо молча посмотрел на него. В этом взгляде читалось нечто неопишное.

— Ты что, совсем дурачок?

— Я не... — Цзи Мянх хотел было возразить, но вспомнил первое условие, которое поставил ему «старший брат»: быть послушным. Он проглотил слова оправдания и неуверенно кивнул.

— Пфф... — Му Юймань не сдержала смешка. — Глупенький, какой труд в такой праздник? Садись скорее, пора приступить к новогоднему ужину.

Новогодний ужин... Вот оно что. Юноша неловко поправил край куртки и примостился на стул напротив Дуань Чжо и Му Юймань.

Он очень любил рыбу и, что удивительно, умел есть её мастерски. Стоило ему отправить в рот кусочек, как после пары движений челюстями на край тарелки лежали идеально чистые косточки. Можно было подумать, что его язык имеет какое-то особое, нечеловеческое строение.

— Сестра Юймань, вы так чудесно готовите, — искренне восхитился он.

Му Юймань лукаво улыбнулась:

— Вообще-то, это блюдо готовил Дуань Чжо. Он поднялся за тобой только тогда, когда соус уже почти загустел. Моя доля — лишь вовремя выключить огонь и подать тарелку.

Дуань Чжо никогда не притрагивался к кухонной утвари, и Цзи Мянх даже представить не мог его у плиты.

— О... — юноша набрался смелости. — Брат, вы очень вкусно готовите.

Прошло несколько секунд, но ответа не последовало. Лишь мгновение спустя Дуань Чжо лениво обронил короткое «угу». За те несколько месяцев, что он строгал дерево вместе с покровителем, Цзи Мянх успел привыкнуть к его скверному нраву — тот в любое время и с кем угодно вёл себя подчёркнуто отстранённо.

Цзи Мянх уткнулся в свою миску, от смущения почти зарывшись носом в рис. Ему нравился этот праздник. Даже больше, чем день рождения.

В разгар трапезы Му Юймань вдруг негромко кашлянула и мягко спросила:

— Цзи Мянью, ты не думал о том, чтобы навестить родных на праздниках?

— Навестить родных?

— Ты уже давно не был дома, родители, должно быть, скучают, — Му Юймань за годы жизни в бедном районе повидала всякое. Ей часто встречались подростки в разгаре бунтарского периода, которые после ссоры с отцом или матерью сбежали и пытались строить из себя взрослых. Обычно она не достаивала таких и словом — они казались ей упрямыми и глупыми ослиами, не ведающими, что творят. Но Цзи Мянью был другим. Он был хорошим ребёнком и, по её мнению, должен был вернуться в семью.

Юноша как раз взял в рот порцию риса. Он жевал медленно, мучительно соображая, как ответить. Если он расскажет правду, Сестра Юймань наверняка расстроится. Ему меньше всего хотелось огорчать её, поэтому за все эти месяцы он ни разу не обмолвился о своём прошлом. Но и лгать ей было невыносимо.

Поколебавшись, он всё же решил быть честным:

— Моя мама ушла очень давно. У отца новая семья, я ему не нужен. Никто по мне не скучает.

И, боясь, что ему не поверят, он едва слышно добавил:

— Правда.

Воздух в комнате словно застыл. Рука Му Юймань, сжимавшая палочки, одеревенела. Даже Дуань Чжо перестал жевать и пристально посмотрел на него.

Женщина не ожидала такого ответа. Она знала, что этот мальчик не умеет лгать. И теперь до неё наконец дошло: Цзи Мянью был на редкость рассудительным и послушным ребёнком. Будь у него нормальная семья, разве он покинул бы её?

Му Юймань плотно сжала губы, коря себя за то, что затронула столь болезненную тему за праздничным столом. Атмосфера в комнате внезапно стала тяжёлой.

Цзи Мянью было не по себе. Ему казалось, что он безнадежно испортил вечер, разрушив самый светлый момент в году для своих благодетелей. Он и впрямь был воришкой — украл у Му Юймань и Дуань Чжо их тепло и радость, оставив взамен лишь гнетущую тишину.

Растерянный взгляд юноши метался между ними, пока не столкнулся с тёмными, глубокими глазами Дуань Чжо. Цзи Мянью обладал взглядом, в котором невозможно было ничего утаить: в

его прозрачных зрачках сейчас плескались тревога и вина, которые мужчина видел насквозь. Мальчик смотрел на него с немой мольбой о спасении, сам того не осознавая.

И тот, к кому был обращён этот взгляд, принял сигнал.

В следующую секунду Дуань Чжо невозмутимо произнёс:

— Ешь.

Это короткое слово подействовало как невидимый затвор — оно властно отсекло мрачные тени прошлого, не давая им отравить настоящий момент.

После ужина Цзи Мянью решительно взял на себя уборку, настояв, чтобы Му Юймань отдохнула в гостиной. Он аккуратно составил тарелки и принялся за работу у раковины.

Спустя некоторое время на кухню вошёл Дуань Чжо. Молча, без лишних слов, он начал убирать со стола оставшиеся приборы и выносить мусор.

— Брат? — удивился юноша.

— Угу.

— Я сам со всем справлюсь.

Дуань Чжо проигнорировал его слова. Если бы сюда пришёл ужинать Сунь Ци, мужчина и пальцем бы не пошевелил, чтобы помочь. Но сегодня посуды было слишком много; оставь он его одного, тот закончил бы только к концу праздничного концерта.

К тому же... Дуань Чжо смотрел на затылок суетящегося юноши. Снаружи, из гостиной, его тонкая, одинокая спина выглядела так, будто на мальчика обрушилось всё горе мира.

— Брат... Простите меня, — раздался тихий голос Цзи Мянью под негромкий перезвон тарелок. Он чуть повернул голову, и в его карих глазах отразился силуэт мужчины. — Был такой чудесный праздник, а я всё испортил.

Дуань Чжо несколько секунд молча смотрел на него, а затем резко отвёл взгляд.

«И правда, дурачок, — пронеслось у него в голове»

<http://bllate.org/book/15358/1415941>